

Тангутский фонд Института восточных рукописей Российской Академии наук и его изучение

Е.И. Кычанов

Тангутский фонд Института восточных рукописей Российской Академии наук происходит из мертвого города, который монголы называли Хара-Хото, китайцы — Хэйшуйчэн, а сами тангуты — Эдзина. Развалины Хара-Хото находятся в приблизительно 40 км от аймака Эдзина Автономного района Внутренняя Монголия КНР.

Русские путешественники по Монголии, по южным окраинам Гоби и северным районам Алашаня не раз слышали о якобы затерянном в песках пустыни мертвом городе. Г.Н. Потанин, экспедиция которого в 1886 г. двигалась вниз по течению реки Эдин-Гол, прошел мимо Хара-Хото. Жившие в этих местах ойраты-торгоуты скрыли от него его местонахождение, хотя некоторые говорили, что есть такой город, совсем пустой, мертвый, что люди ездят туда, роют песок, находят вещи, даже серебряные, но там воды и близко нет, одни пески.

Сведения о мертвом городе, поступавшие в РГО, заинтересовали многих. Особенно они взволновали уже известного к тому времени путешественника П.К. Козлова, который позже вспоминал, что уже в то время мечтал посетить Хара-Хото и увидеть его таинственные недра. Не без труда он добился разрешения и получил средства на организацию Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907—1909 гг., одной из задач которой РГО поставило поиски таинственного мертвого города.

Пока П.К. Козлов собирался в экспедицию, мертвый город был найден в мае 1907 г. участником предыдущих экспедиций П.К. Козлова бурятом-казаком Ц.Г. Бадмажаповым, который служил в русской торговой миссии в Китае, в провинции Ганьсу, и был послан собирать долги с монгольских князей на южную окраину Гоби. Знал ли он от монголов о местонахождении Хара-Хото? Таких сведений у нас нет. В своем отчете РГО Ц.Г. Бадмажапов об этом не пишет. Но он понял, что открыл тот самый мертвый город, о котором столько говорили. Мы не можем документально подтвердить, что руководство РГО решило скрыть доклад Бадмажапова и даже не обнародовало сделанные им фотографии мертвого города. Но можно с уверенностью предположить что, когда в конце 1907 г. П.К. Козлов покидал Кяхту и пересекал границу Российской и Цинской империй, он наверняка знал, что Хара-Хото уже найден. Косвенным доказательством этому служит его встреча с Бадмажаповым в Урге

The Tangut Collection of the Institute of Oriental Manuscripts: History and Study

E.I. Kychanov

The Tangut Collection of the IOM RAS originated from the dead city called Khara-Khoto by the Mongols, Heishuicheng by the Chinese and Ejina by the Tanguts themselves. The ruins of Khara-Khoto are located at a distance of about 40 km from the *aimag* (district) Ejina of the Autonomous Province of Inner Mongolia in the People's Republic of China.

During their travels about Mongolia, southern stretches of the Gobi and the northern areas of Alashan, Russian explorers now and again heard stories of a dead city lost in the desert sands. In 1886 G.N. Potanin, whose expedition went down the stream of the River Ejin-Gol, passed by Khara-Khoto. The local population of the Oirats and Torgouts concealed from him the location of the city, though some of them did mention the existence of an ancient city, dead and desolate, adding that some people went there to dig and unearthed various objects, even silver ones, and that there was not a trace of water in the locality — just sands all over.

Information about the dead city received by the RGS stirred considerable interest. It particularly excited P.K. Kozlov, by then a famous traveller. Later he recollected that at that time he had already been dreaming of going to Khara-Khoto and seeing its mysterious sand-buried monuments. It was not without difficulty that he managed to obtain permission and funds to prepare and equip the Mongolia and Sichuan Expedition of 1907—09. One of its objectives, set by the RGS, was to search for the mysterious dead city.

While P.K. Kozlov was getting ready for the expedition, the dead city was found in May 1907 by the Buriat Cossack Ts.G. Badmazhapov, a participant in P.K. Kozlov's previous expeditions, who was working for the Russian trade mission in Gansu Province of China. At the time he was sent to the southern edges of the Gobi to collect debts from Mongolian princes. Did he come to know the location of Khara-Khoto from the Mongols? We have no such information. In his report to the Geographic Society Ts.G. Badmazhapov made no mention of this. But he realized he had found the dead city that had been so much talked about. We possess no documentary evidence to confirm that the Geographic Society decided to suppress Badmazhapov's report and did not even publish his photographs of the dead city. Yet we can confidently assume that when P.K. Kozlov was leaving Kiahkhta late in 1907 and was crossing the border between Russia and the Qing Empire, he definitely

(Улан-Батор). Содержание их переговоров остается тайной и по сей день, однако Ц.Г. Бадмажапов сопровождал экспедицию, и именно он договорился с местными монголами о содействии экспедиции в исследовании развалин Хара-Хото¹.

Итак, 19 марта (1 апреля н. с.) экспедиция отправилась в Хара-Хото. П.К. Козлов, у которого определенно был литературный дар, записал в дневнике: «Наше желание попасть в Хара-Хото дошло до крайней степени. Над песками показались крепостные шпицы субурганов..., а вот и угол самой крепости. Еще томительных полчаса и мы, миновав бугры-холмы из песка и тамариска, вышли на каменную равнину с запада, где мертвый город весь на виду, вблизи и еще больше манит к своим сокровищам...»². Так усилиями российской науки был открыт Хара-Хото.

Это было действительно одно из знаменательных научных открытий начала XX века!

Мечта русского путешественника исполнилась: он ступил на улицы Хара-Хото — «азиатской Помпеи», погребенной песками пустыни Гоби. Одни здания были совсем разрушены и сровнялись с землей, другие еще держались. Когда-то здесь жили люди, работали, молились, страдали, веселились; теперь здесь не было ни одного человека, и даже имя города было забыто, ведь «Хара-Хото» означает «черный город», а это не название.

Город-крепость представлял собой прямоугольник площадью 380 × 450 метров, длинной стороной ориентированный (как многие китайские крепости) в направлении «запад—восток». Высота глинобитных стен достигала 6—8 метров при толщине у основания 4—6 метров. Вся внутренняя часть крепости была разбита на правильные кварталы; от ворот, устроенных в западной и восточной стенах и несколько смещенных относительно друг друга, к центру шли две большие улицы. На них стояли ряды небольших глинобитных домишек, прикрытых соломой, а сверху — сплошной твердой коркой глины. Следы бойниц были заметны только в очень немногих местах, зато повсюду стояли субурганы — памятные буддийские знаки (надгробные или отмечающие место каких-либо событий). Свой лагерь П.К. Козлов решил разбить прямо внутри крепости — возле развалин храма, разрушенного почти до основания. И начались раскопки, результаты которых прославили русских географов на весь мир.

Первые книги и рукописи были найдены П.К. Козловым в субургане, обозначенном как «субурган А», в юго-западном углу крепости. Была налажена неплохая связь от владений монгольских князей до Санкт-Петербурга, и первые находки были отправлены в РГО. Груз сопровождала

knew that Khara-Khoto had been found. This is evidenced indirectly by his meeting with Badmazhapov in Urga (Ulan Bator). Nothing is known to this day about the subject of their talks, but it was Badmazhapov who accompanied the expedition and made arrangements with the local Mongols on cooperation with the expedition in the exploration of the Khara-Khoto ruins.¹

Thus on 19 March 1908 (1 April new style), the expedition approached Khara-Khoto. P.K. Kozlov, who definitely had a literary gift, made this entry in his diary: “Our desire to get to Khara-Khoto reached its climax. Over the sands we could first see the fortress spires of the *suburgans* ..., and then a corner of the fortress itself. Another stressful half an hour, and after passing mounds of sand and tamarisk, we came on to a stone plain from the west, where the dead city was in full view in front of us at close quarters, attracting us even more strongly with its riches...”² Thus, through the efforts of Russian science, Khara-Khoto was discovered.

It was really one of the most significant scientific discoveries of the early 20th century!

The dream of the Russian explorer did come true: he stepped on the streets of Khara-Khoto — the ‘Asian Pompeii’ buried by the Gobi Desert. Some of the buildings were quite ruined, level with the ground, while others were still erect. People had once lived here, working, praying, suffering, and merry-making; now there was not a single person here and even the name of the city was forgotten, for Khara-Khoto means ‘a black city’, which is not a name.

The fortified city is a rectangle of 380 × 450 m, its long side turned in the east-west direction (as many Chinese fortresses are). The height of the adobe walls was 6 to 8 meters, their thickness at the base being 4 to 6 meters. Inside the city was divided into regular blocks; in the eastern and western walls gates were made, somewhat misaligned, from which ran two large streets, consisting of small clay cottages with roofs of thatch covered with layers of hard clay. Traces of openings for weapons could be seen in a few places, but *suburgans*, Buddhist memorial signs, or tombs, were found everywhere. P.K. Kozlov decided to make his bivouac in the fortress itself — beside the ruins of a temple almost razed to the ground. Then he began the excavations, which gave the Russian geographers world renown.

The first finds of books and manuscripts were made by P.K. Kozlov in the south-west corner of the citadel inside a *suburgan* designated as ‘Suburgan A’. A fairly good communication link was established between the lands of the Mongolian princes and St. Petersburg, and the first finds were dispatched to the Geographic Society. The freight was accompanied by a letter asking the recipient to bring the collection to the notice of

¹ См. Цокто Бадмажапов — первооткрыватель «мертвого» города Хара-Хото // Библиотека журнала «Тайна Бурятии». Улан-Удэ, 2006.

¹ See “Tsokto Badmazhapov, the Discoverer of the ‘Dead’ City of Khara-Khoto.” In *Library of ‘The Secret of Buriatia’ Magazine*. Ulan Ude, 2006.

просьба ознакомить с находками академика С.Ф. Ольденбурга и профессора П.С. Попова.

15 (28) октября 1908 г. на заседании РГО с докладами о находках в Хара-Хото выступили С.Ф. Ольденбург, китаевед А.И. Иванов и монголовед В.Л. Котвич. Они высоко оценили находки П.К. Козлова, определили, что Хара-Хото принадлежал «тангутскому царству Си Ся», а извлеченные из развалин рукописи, помимо китайских, написаны «на языке неведомом, по крайней мере, прочесть их никто не умеет, хотя образцы письма и известны»³.

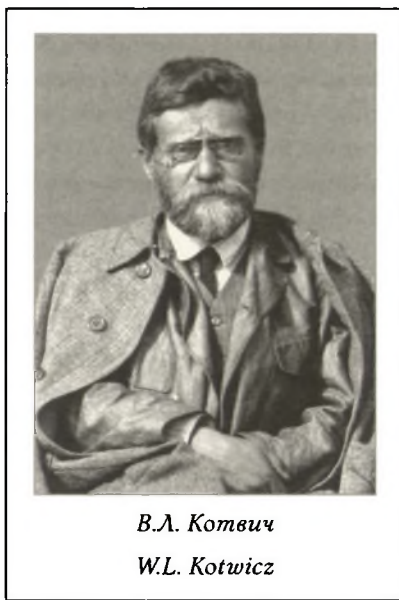
П.К. Козлову было предписано возвратиться в Хара-Хото из Гуйдуй, в северо-восточном Тибете, где он зимовал, и произвести дополнительные исследования. Он выполнил предписание в конце мая 1909 г., возвратившись в Хара-Хото. Однако новые раскопки внутри стен города не принесли принципиально новых результатов. Тогда было решено раскопать субурган, который стоял в 400 м от западной стены города. Субурган оказался богат «бурханами и письменами». В дневнике П.К. Козлов писал: «Надо полагать, что крыша часовни обрушилась и повалила бурханы или же они с самого начала и были так брошены, куда бросали и книги, и свитки, и иконопись...»⁴.

2 (15) июня он записал: «В верхней части ступы все очищено, кругом сложены, сидя, круглые, деревянные, глиняные бурханы, а в середине — книги, письмена, письмена, книги — большие, малые, в переплетах или папках, тетрадями или свитками и проч.»⁵ В основании, в центре субургана был воткнут шест, вокруг которого восседали статуи буддийских божеств, «лицами внутрь, наподобие лам, отправляющих богослужение перед большими рукописными листами письма Си Ся, сотнями наложенными один на другой»⁶.

7 (20) июня 1909 г. раскопки субургана были закончены. Так сборами материалов и раскопками марта 1908 и конца

А.И. Иванов
A.I. Ivanov

В.Л. Котвич
W.L. Kotvich

Academician S.F. Oldenburg and Professor P.S. Popov.

On 15 (28) October 1908 reports on the Khara-Khoto finds were made by S.F. Oldenburg, as well as the Sinologist A.I. Ivanov and the Mongolist W.L. Kotvich. They highly appreciated P.K. Kozlov's finds and determined that Khara-Khoto belonged to the Tangut kingdom of Xi-Xia, concluding that the manuscripts from the ruins, except for some Chinese samples, were "written in an unknown language — at least nobody could read them, although some instances of the script were known."³

P.K. Kozlov was instructed to return to Khara-Khoto from Guidui in the Northeastern Tibet, where he was spending the winter, in order to conduct extra studies. He followed the instruction and returned to Khara-Khoto in May 1909. However, the new excavation within the city walls gave no essentially new results. It was then decided to excavate a *suburgan* 400 m off the western wall of the city. The *suburgan* proved to be rich in "burkhans and written monuments." P.K. Kozlov wrote in his diary: "The roof of the chapel presumably collapsed and overturned the burkhans — or else they had been left like that in the first place — where books, scrolls, and paintings were used to be thrown..."⁴

On 2 (15) June he made the following entry: "In the upper part of the *stupa* everything has been cleaned, round burkhans in wood and clay have been put, in seated positions, in a circular arrangement, whereas in the middle books and manuscripts, in covers or folders, notebooks or scrolls, etc have been placed."⁵ At the base in the centre of

the *suburgan*, a pole was stuck, round which sat the figures of Buddhist deities, "facing the middle, like lamas in prayer, with large sheets of handwritten texts in Xi-Xia, superimposed in hundreds one on to another, in front of them."⁶

On 7 (20) June 1909 the excavation of the *suburgan* was completed. Thus, as a result of excavations and archaeological research of March 1908 and of late May — beginning of June

² Из дневника П.К. Козлова. Цит. по: Кычанов Е.И. Звучат лишь письмена. Рыбинск, 2002. С. 26.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Там же. С. 35.

⁶ Там же.

² From P.K. Kozlov's Diary, quoted in: Kychanov, E.I. *Only Writings Sound*. 2nd ed. Rybinsk. 2002, p. 26.

³ *Ibid.*, p. 31.

⁴ *Ibid.*, p. 34.

⁵ *Ibid.*, p. 35.

⁶ *Ibid.*

мая — начала июня 1909 г. была обнаружена и собрана коллекция ксилографов и рукописей из Хара-Хото. Письменные памятники были на тангутском (Си Ся), китайском, тибетском и монгольском языках. Подавляющее большинство текстов было написано на языке и письмом Си Ся. Письменные памятники коллекции П.К. Козлова были переданы на хранение и для изучения в Азиатский музей в июне 1910 г. Именно эти материалы и составляют ныне тангутский фонд ИВР РАН.

Памятниками письменности из Хара-Хото занялись в свободное от университетских и других занятий время профессора А.И. Иванов и В.Л. Котвич. Оказалось, что письмены не столь уж неизвестны. Имелись две надписи на камне — на стеле в г. Лянчжоу (пров. Ганьсу, современный г. Увэй) и на воротах Цзюйюань под Пекином. Тайну этих текстов пытались разгадать исследователи А. Уайли, Г. Деверия и С. Бушель. Более того, при подавлении объединенными силами держав восстания ихэтуаней в Пекине французами был найден текст «Лотосовой сутры», в котором анонимный китайский дешифровщик подставил к некоторым тангутским знакам их китайские значения или чтения. Ж. Морис, сравнивая китайский и тангутский тексты, расшифровал некоторое количество знаков тангутского письма, о чем в 1904 г. опубликовал статью «Предварительный вклад в изучение письменности и языка Си Ся»⁷. Таким образом, в принадлежности неизвестного письма и языка к народу тангутов сомнений не было, более того, оказалось, что история тангутского государства Ся (982—1227) по китайским источникам довольно подробно изложена Н.Я. Бичуриным (о. Иакинфом) в его труде 1833 г. «История Тибета и Хухунора».

А.И. Иванов и В.Л. Котвич (неизвестно, кто именно и когда) обнаружили среди материалов, доставленных экспедицией Козлова, отпечатанную способом ксилографии в 1190 г. книгу под названием «Жемчужина в руке, отвечающая запросам времени» (番漢合時掌中珠 Фань-хань хэши чжан чжун чжу). Это был удивительно составленный тангутско-китайский в чтении слева-направо и китайско-тангутский в чтении справа-налево словарь примерно на тысячу знаков. Он открывал путь к постепенной дешифровке тангутских текстов.

А.И. Иванов опубликовал ряд статей по тангутскому фонду, в том числе обобщающую статью «Памятники тангутского письма» (1918), в которой подводил итоги своей работы с фондом и приводил сведения о тангутских толковых словарях «Омофоны» (同音 Тун инь), «Море письмен» (文海 Вень хай) и «Смешанные категории» (字雜 Цзы цза)⁸.

1909, the collection of the Khara-Khoto xylographs and manuscripts was discovered and amassed. The written monuments were in Tangut, Chinese, Tibetan and Mongolian. The overwhelming majority of the texts were in the language and script of the Tanguts (Xi-Xia). In June 1910 the written monuments from the P.K. Kozlov collection were handed over to the Asiatic Museum of the RAS for keeping and study. It is these monuments that constitute the Tangut Collection of the IOM RAS.

Professors A.I. Ivanov and W.L. Kotwicz devoted much of their spare time to the Khara-Khoto written monuments. It turned out that the writing was not altogether unknown. There were two inscriptions on stone — on a stele in the town of Liangzhou (today's Wuwei in Gansu Province) and on the Juyongguan Gate in the vicinity of Beijing. Deciphering them was attempted by A. Wylie, J.G. Devéria and S.W. Bushell. Moreover, when the allied forces were suppressing the Boxer Rebellion in Beijing, the French found the text of the *Lotus Sutra*, in which an anonymous Chinese decipherer supplied certain Tangut signs with their Chinese equivalents or pronunciations. G. Morisse compared some Chinese and Tangut texts and identified a certain number of Tangut notation symbols, publishing an article in 1904 entitled *A Preliminary Contribution to the Study of the Xi-Xia Language and Notation*.⁷ Therefore no doubt remained regarding the fact that the unknown language and writing belonged to the language and script of the Tanguts. Moreover, it turned out that the history of the Tangut state of Xia (982—1227) had been presented in considerable detail by N.Ya. Bichurin (Father Iakin) in his *History of Tibet and Koko Nor*, published in 1833.

A.I. Ivanov and W.L. Kotwicz (it is not known which of them or when) found among the materials brought by P.K. Kozlov's expedition a book printed by the method of xylography in 1190: *A Timely Pearl in the Hand* (番漢合時掌中珠 Fānhàn heshi zhang zhong zhu). It was an ingeniously compiled dictionary, Tangut to Chinese, if read from left to right, and Chinese to Tangut, if read from right to left; it contained about a thousand symbols. It opened a path to a gradual decoding of Tangut texts.

A.I. Ivanov published a number of articles devoted to the Tangut Collection, including a resumptive article *Monuments of Tangut Writing* (1918), in which he summed up the results of his investigation of the collection and provided information on the Tangut monolingual explanatory dictionaries called *Homophones* (同音 Tong yin), *Sea of Writings* (文海 Wen hai) and *Mixed Categories* (字雜 Zi za).⁸ As a result of his studies, A.I. Ivanov compiled a *Dictionary of Tangut Writing*. However, the dictionary gathered dust on the shelves of the publishing

⁷ Morisse M.G. Contribution préliminaire à l'étude de l'écriture de la lang Si-Hia // *Memoires présentés par divers savants à l'Academie des Inscriptions*. 1 serie, vol. XI. Paris, 1904.

⁸ Иванов А.И. Памятники тангутского письма // *Известия Академии наук*, 1918. С. 799—800.

⁷ Morisse M.G. "Contribution préliminaire à l'étude de l'écriture de la lang Si-Hia." *Memoires présentés par divers savants à l'Academie des Inscriptions*. 1 serie, vol. XI. Paris, 1904.

⁸ Ivanov, A.I. "Monuments of Tangut Writing." *PAS*, 1918, pp. 799—800.

Тангутский ксилограф
«Жемчужина в руке, отвечающая
запросам времени»
23×15,5 см
ИВР РАН, Танг 13

The Tangut xylograph
“A Timely Pearl in the Hand”
23×15.5 cm
IOM RAS, Tang 13

Тангутский ксилограф «Омофоны»
23×15,5 см
ИВР РАН, Танг 18

The Tangut xylograph “Homophones”
23×15.5 cm
IOM RAS, Tang 18

Тангутский ксилограф «Большие оды»
23×16,5 см
ИВР РАН, Танг 25

The Tangut xylograph “The Big Odes”
23×16.5 cm
IOM RAS, Tang 25

Н.А. Невский на Тайване с представителями народа атаял. 1927

N.A. Nevsky in Taiwan with a group of the Atayal natives. 1927

В результате своих исследований А.И. Иванов составил «Словарь тангутского письма». Однако словарь пролежал в издательстве Академии наук с 1919 по 1922 г. и так и не был опубликован. В 1935 г. А.И. Иванов писал академику В.М. Алексееву: «Жаль, что Невский не знаком с моей рукописью, которая пролежала в Академии с 1919 по 1922 год, когда я, взяв ее, решил ничего больше не писать. Рукопись у меня с пометками о приеме и возврате»⁹. Совершенно очевидно, что эта рукопись пропала во время ареста Иванова летом 1937 г.

Как известно, А.И. Иванов и В.М. Алексеев были в ссоре после того, как А.И. Иванов дал отрицательный отзыв о диссертации В.М. Алексеева «Стансы Сыкун Ту». Покинув дипломатическую службу в Китае во второй половине 1920-х гг., А.И. Иванов при полном господстве Алексеева в ленинградском китаеведении не мог возвратиться не только к тангутоведению, но и в Ленинград. В конце 1920-х гг. тангутским фондом какое-то время занимался А.А. Драгунов, но и он оставил эти занятия с возвращением в Ленинград в 1929 г. из Японии Н.А. Невского.

А.И. Иванов был университетским учителем Н.А. Невского. Именно он курировал практику Н.А. Невского в Японии по изучению хэйанской литературы. Когда в 1925 г. они встретились в Пекине, то именно А.И. Иванов посоветовал Н.А. Невскому заняться тангутоведением. И Невский последовал его совету. Возвращение Н.А. Невского в

house of the Academy of Sciences from 1919 to 1922 and was never published. In 1935 A.I. Ivanov wrote to Academician V.M. Alekseev: “It is a pity that Nevsky is not familiar with my manuscript that remained in the Academy from 1919 to 1922, when I withdrew it and decided to write nothing again. My manuscript bears marks of registration and withdrawal.”⁹ Obviously, the manuscript was lost altogether during Ivanov’s arrest in the summer of 1937.

It is a well-known fact that A.I. Ivanov and V.M. Alekseev were at odds after Ivanov’s negative assessment of Alekseev’s thesis entitled *Stances of Sikong Tu*. After resigning from diplomatic service in China in the second half of the 1920s, when V.M. Alekseev fully controlled Sinology in Leningrad, A.I. Ivanov was unable to return to Tangut studies, and, what is more, he could not even come back to Leningrad. In the late 1920s the Tangut Collection was addressed for some time by A.A. Dragunov, but he also abandoned these pursuits after the return to Leningrad from Japan of N.A. Nevsky.

A.I. Ivanov had been N.A. Nevsky’s university teacher. It was he who supervised N.A. Nevsky’s studies in the Heian literature during his probation in Japan. When they met in Beijing in 1925, it was A.I. Ivanov who advised Nevsky to take up Tangut studies, and the latter followed his advice. Nevsky’s return to Leningrad under the umbrella of V.M. Alekseev, who was also his former university teacher, made him a monopolist

⁹ Цит. по: Кычанов Е.И. *Указ. соч.* С. 78.

⁹ Quoted in: Kychanov, E.I. *Op. cit.*, p. 78.

Ленинград под покровительство В.М. Алексеева, также его университетского учителя, сделало его монополистом в изучении тангутского фонда, монополистом в хорошем смысле, ибо Н.А. Невский весь свой талант и все свои основные силы отдал фонду. За короткий срок работы над ним — всего семь лет — Н.А. Невский подытожил все, что было сделано до него, и приступил к составлению инвентаря тангутского фонда, делу для Азиатского музея новому. До этого сводного инвентаря фонда не существовало. Книги, причем далеко не все, были только разделены по форматам, на книгу ставился штамп музея с указанием формата и того, что эта книга на языке Си Ся. Н.А. Невский, естественно, отобрал все то, что было в хорошей сохранности, выделил буддийские и небуддийские сочинения, среди небуддийских — словари. Используя достижения в России А.И. Иванова и А.А. Драгунова, в Китае братьев Ло Фу-чана 羅福菴 и Ло Фу-чэна 羅福成, Ван Цзин-жу 王靜如, начавшего как раз в это время издавать сборники «Изучение Си Ся» (西夏研究 *Си Ся яньцзю*), Исихама Дзюнтаро в Японии, с которым он ряд лет работал рука об руку, он приступил к выполнению этой сложной и кропотливой работы.

20 марта 1935 г. Н.А. Невский выступил на сессии Академии наук с докладом «Тангутская письменность и ее фонды». Это был первый общий и достаточно полный обзор тех памятников тангутской письменности, которые П.К. Козлов привез из развалин Хара-Хото, сохранивший свою научную значимость и до сего времени. В своем докладе Н.А. Невский поставил задачи и на последующие годы работы с фондом. Решение группы востоковедов Академии наук в этом плане обнадеживало: «Академия Наук Союза Советских Социалистических Республик. Выписка из Протокола заседания Группы востоковедов от 21 марта 1935 г. ... 2. Слушали доклад Н.А. Невского «Тангутская письменность и ее фонды». Постановили: 1. Ввиду исключительной важности для изучения истории Средней Азии всего вновь открываемого Н.А. Невским материала, ходатайствовать перед Президиумом АН о внеочередном опубликовании его статей по тангутоведению. 2. Считать целесообразным полное переключение Н.А. Невского на изучение тангутского фонда ИВ (Института востоковедения)»¹⁰.

Это была победа, фактически «карт-бланш» на занятие исключительно любимой работой. Коллектив Института востоковедения выдвинул его в члены-корреспонденты Академии наук. Но тут прозвучал первый звонок из страшного будущего — его не избрали. В октябре 1937 г. он был арестован.

Н.А. Невский был не только и не столько тангутовед. Он был блестящим японистом, преподавал в университете японский язык, в институте был ведущим специалистом в составлении японско-русского словаря. Он был молод, и

in the study of the Tangut Collection — a monopolist in a positive sense, for N.A. Nevsky gave his entire talent and all his main energies to the Collection. During his short term of work with the collection — a total of 7 years — N.A. Nevsky summed up everything that had been done before him and embarked on the compilation of the Tangut Collection inventory, which was a new kind of activity for the Asiatic Museum. No overall inventory of the Collection had been taken before. The books — and not all of them for that matter — had been only sorted by size and marked with a stamp stating the book size and the fact that it was in the Xi-Xia language. Naturally, Nevsky set aside everything that was in a good condition, separated Buddhist writings from non-Buddhist ones, and picked out dictionaries from the latter category. He began this complicated and time-consuming work basing oneself on the achievements, in Russia, of A.I. Ivanov and A.A. Dragunov, in China, of the brothers Luo Fu-chang 羅福菴 and Luo Fu-cheng 羅福成, as well as of Wang Jing-ru 王靜如, who had just begun publishing his collections called *Study of Xi-Xia* (西夏研究 *Xi-Xia yanjiu*) and, in Japan, of Ishihama Juntarō 石濱純太郎, who had worked side by side with him for a few years.

On 20 March 1935 N.A. Nevsky presented his report entitled *Tangut Writing and Its Collections* to the Academy session. It was the first general and fairly comprehensive survey of the written monuments P.K. Kozlov had brought from the ruins of Khara-Khoto, which has retained its scholarly significance to this day. In his report N.A. Nevsky also set forth tasks for future work with the Collection. In this respect the decision of the group of the Orientalists of the Academy sounded encouraging: “The USSR AS. Extract from the Minutes of the Orientalists’ meeting of 21 March 1935 has it as follows: ... 2. Gave heed to N.A. Nevsky’s report *Tangut Writing and Its Collections*. Resolved: 1. In view of the extreme importance, for Middle Asian studies, of the materials re-addressed by N.A. Nevsky, it is imperative to ask the Academy Presidium to have his Tangut study articles published promptly as first priority. 2. We deem it necessary that N.A. Nevsky be appointed to focus completely on the study the Tangut Collection of the IOS (Institute of Oriental Studies).”¹⁰

It was a victory, a real *carte blanche* permitting the scholar to devote himself entirely to his favourite work. The IOS’ staff meeting nominated him for election as Corresponding Member of the Academy of Sciences. It was then that an ominous alarm of frightful future sounded: he was voted down. In October 1937 N.A. Nevsky was arrested.

N.A. Nevsky was not only a researcher engaged in Tangut studies. He was even better known as a brilliant specialist on Japan; he taught Japanese at the University of Leningrad and at his Institute he was engaged in the preparation of Japanese-

¹⁰ Там же. С. 110.

¹⁰ *Ibid.*, p. 110.

пока его на все хватало. В 1937 г. он по плану должен был закончить «Исследования произношения тангутских идеографов на основании тангутских словарей и кратких фонетических таблиц». Как тангутовед, Лауреат Ленинской премии 1962 г. (посмертно), он известен прежде всего в России. В Японии его, пожалуй, больше знают как лингвиста и фольклориста, специалиста по диалектам японского языка и фольклору айнов. Он внес существенный вклад в изучение южного диалекта японского языка — языка мияко. В городе Хирара на острове Миякодзима есть улица, носящая имя Невского, и установлена памятная стела в его честь.

После исчезновения Н.А. Невского в недрах Большого дома тангутский фонд осиротел. Перед войной продолжить инвентаризацию фонда было предложено А.А. Драгунову. В войну и блокаду Ленинграда фонд пролежал вместе со всеми рукописными богатствами Института востоковедения в здании Библиотеки Академии наук, где он тогда размещался. К счастью, здание не пострадало от бомбежек и артобстрелов, книги и рукописи остались целы.

После войны и возвращения из эвакуации сотрудников института А.А. Драгунов продолжил инвентаризацию фонда. Для внесения в инвентарь он также использовал книги относительно хорошей сохранности, имеющие названия. В частности, он внес в инвентарь практически все книги «Махапраджняпарамита-сутры». Некоторые книги были занесены им в инвентарь повторно. К сожалению, выдающийся лингвист А.А. Драгунов не занимался научной работой с фондом, во всяком случае, следов этого не сохранилось. В 1950 г. Институт востоковедения был переведен в Москву, в Ленинграде осталось его отделение. А.А. Драгунов вместе с частью сотрудников переехал в столицу. В 1955 г. он скончался.

В Секторе восточных рукописей в Ленинградском отделении Института востоковедения тангутский фонд был закреплен за З.И. Горбачевой. Она продолжала вести инвентарь фонда, опубликовала несколько статей о Н.А. Невском, разбирала его архив. Руководство Сектора решило привлечь к тангутоведению молодых востоковедов. В 1954 г. Сектор получил два места в аспирантуру, на которые претендовали И.Т. Зограф (китайский язык) и С.А. Школяр (тангутоведение). Они успешно сдали экзаме-

Здание Библиотеки Академии наук, где в 1927–1950 гг. размещался Институт востоковедения

Building of the Library of the Academy of Sciences, where in 1927–50 the Institute of Oriental Studies was located

Russian dictionary as one of the leading authorities on the subject. He was young, so his energies permitted him to cope with everything. In 1937 he was planning to complete his *Study of the Pronunciation of the Tangut Hieroglyphs on the Basis of Tangut Dictionaries and Concise Phonetic Tables*. As a Tangut researcher, Lenin State Prize Winner (posthumous) of 1962, Nevsky is known primarily in Russia. In Japan he is probably better known as a linguist and folklore specialist, who studied Japanese dialects and the Ainu folklore. He

made a significant contribution to the study of Miyako, a southern dialect of Japanese. The town of Hirara on Miyakojima Island has a street named after the scholar and a stele commemorating him.

After the disappearance of N.A. Nevsky in the vaults of the 'Bolshoi Dom' (nickname for the Leningrad KGB headquarters), the Tangut Collection was orphaned as it were. Shortly before the war A.A. Dragunov was offered to continue its inventory-taking. During the war and the siege of Leningrad the Collection was kept, as well as all the other valuable manuscripts from the IOS, in the Library of the Academy of Sciences, where the Institute was housed then. Fortunately, the Library was not damaged by the heavy bombings and artillery fire the city was subjected to, so all the books and manuscripts survived intact.

After the war and the return of the Institute staff from the evacuation, A.A. Dragunov continued work on the Collection inventory. He, too, chose books that had titles and were in a relatively good condition for the inclusion in the inventory. Specifically, he entered in the inventory practically all the books of the *Mahāprajñāparamitā-sūtra*. Some of the books were entered twice. Unfortunately, the outstanding linguist Dragunov did not research the Collection — at any rate, there are no signs of such studies. In 1950 the IOS was moved to Moscow, its branch remaining in Leningrad. A.A. Dragunov, as well as some other staff members, also moved to the capital, where he died in 1955.

In the Section of Oriental Manuscripts of the LB of the IOS, Z.I. Gorbacheva assumed charge of the Tangut Collection. She continued work on the inventory of the Collection, published several articles about N.A. Nevsky and sorted out his archive. The supervisors of the Section decided to recruit young Orientalists to pursue Tangut studies. In 1954 the Section was given two post-graduate student positions, which were sought by

ны, но из Москвы на эти места были направлены свои аспиранты. И.Т. Зограф стала готовиться к повторному поступлению, сдавала зимой 1954—1955 гг. экзамены кандидатского минимума. С.А. Школяр от повторного поступления в аспирантуру отказался. Весной 1955 г. Восточный факультет рекомендовал к поступлению на место по тангутоведению четырех выпускников. Повезло Е.И. Кычанову. В конце 1959 г. ему было поручено завершить инвентаризацию тангутского фонда. Работа была завершена к концу 1962 г., а в 1963 г. под патронажем и при поддержке академика Н.И. Конрада (1891—1970) был опубликован первый сводный каталог фонда «Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР». Составителями (не на титульном листе) списка, указаны З.И. Горбачева и Е.И. Кычанов.

В предисловии к списку академик Н.И. Конрад справедливо отметил, что опубликование в 1960 г. двухтомника работ Н.А. Невского «Тангутская филология» было «первым актом нашей деятельности по созданию основного условия возможности дальнейшей работы по описанию тангутского фонда с привлечением к ней новых участников...» и «издание этого списка будет способствовать следующему шагу — развитию тангутоведения как действительно новой научной отрасли востоковедения»¹¹.

В списке 1963 г. буддийские памятники на тангутском языке были только перечислены. «Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской Академии Наук» был издан в 1999 г. Киотским университетом¹². Таким образом, научной общественности представлено достаточно полное содержание тангутского фонда, за исключением коллекции административных и хозяйственных документов. Все они написаны тангутской скорописью и плохо или почти совсем не читаются.

В настоящее время тангутский фонд Института восточных рукописей представляет собой на 90 с лишним процентов рукописные и отпечатанные способом ксилографии книги. Печатные книги относятся ко второй половине XI—XII и первой четверти XIII в. Тангутский фонд — одно из наиболее полных собраний печатной книги этого периода, включая книги не только на тангутском, но и на китайском и тибетском языках. Часть книг, бесспорно, была отпечатана набором, в некоторых случаях на это имеются прямые указания в колофонах. В тангутском государстве производилась

I.T. Zograf (the Chinese language) and S.A. Shkolyar (Tangut studies). The candidates passed the entrance exams, but the Moscow Institute filled the positions with their own candidates. I.T. Zograf began preparing for seeking entrance again and in the winter of 1954—55 she passed the requisite degree examinations ahead of time. S.A. Shkolyar decided not to seek entrance to post-graduate studies any longer. In the spring of 1955, the Oriental Faculty of Leningrad University recommended four of that year's graduates to seek admission to the position of a post-graduate student in Tangut studies. E.I. Kychanov was the lucky winner. In late 1959 he was instructed to complete the cataloguing of the Tangut Collection, which he had done by the end of 1962; consequently, 1963 saw the publication of the first general catalogue of the Collection, with support and patronage of Academician N.I. Konrad (1891—1970): *Tangut Manuscripts and Xylographs*. Z.I. Gorbacheva and E.I. Kychanov were in the credits as compilers (not on the title sheet) of the list.

In his introduction to the catalogue Academician N.I. Konrad justly observed that the publication in 1960 of N.A. Nevsky's two-volume *Tangut Philology* was the “first phase of our activity aimed at creating the principal condition opening possibilities of further work on the description of the Tangut Collection and involving new participants in it... The publication of the list will facilitate the next step — the development of Tangut studies as a new research branch of Oriental Studies.”¹¹

The list of 1963 merely enumerated the Buddhist monuments in the Tangut language. In 1999 Kyoto University published Kychanov's *Catalogue of the Tangut Buddhist Monuments in the IOS RAS*.¹² In that way the international scholarly community was introduced to almost the entire Tangut Collection, except for its administrative and economy documents, all of which are written in Tangut cursive and are therefore scarcely legible or illegible.

At present more than ninety percent of the Tangut Collection of the IOM comprise handwritten or xylograph printed books. The printed books date from the late 11th and 12th centuries, as well as from the first quarter of the 13th century. The Tangut Collection is one of the most ample collections of the period's printed books, including those in the Chinese and Tibetan languages. Some of the books were definitely produced by means of movable type-set printing, for in some cases this is directly stated in the colophons. Quality paper of different varieties was made in the Tangut state (we can only wonder why its

¹¹ Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР. Составители З.И. Горбачева, Е.И. Кычанов. М., 1963. С. 5.

¹² Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской Академии наук. Составитель Е.И. Кычанов. Вступительная статья Т. Нисиды. Издание подготовлено С. Аракавой. Киото, 1999.

¹¹ *Tangut Manuscripts and Xylographs. List of Identified and Recognized Tangut Manuscripts and Xylographs from the Collection of the Institute of Peoples of Asia of the USSR AS*. Compiled by Z.I. Gorbacheva and E.I. Kychanov. M., 1963, p. 5

¹² *Catalogue of the Tangut Buddhist Monuments in the IOS RAS*. Compiled by E.I. Kychanov. Introduction by T. Nishida. The edition prepared by S. Arakawa. Kyoto, 1999.

хорошая бумага многих сортов (остается только удивляться, почему сохранность ее до сих пор не привлекла внимания современных бумагопроизводителей!). Великолепной и стойкой ко всем перипетиям времени оказалась тушь (которая, видимо, также должна стать предметом отдельного исследования). Фонд ждет еще тщательного обследования специалистами как памятника книгопечатания.

Тиражи книг были потрясающими и для нашего времени: в предисловиях к изданию сутр императорами указываются тиражи в 10 и даже 20 тыс. экземпляров. Издание сутр было благим делом. Оно осуществлялось на индивидуальные пожертвования и в складчину. Сутры раздавали даром чиновникам и народу.

По своей форме тангутские книги копировали современные им китайские: книги-кодексы (тетради), книги-бабочки, книги-свитки, книги-гармоники и заимствованные из индо-тибетской буддийской практики книги-потхи.

По содержанию материалы тангутского фонда подразделяются на шесть групп:

1. Оригинальные тангутские сочинения;
2. Словари и фонетические таблицы тангутского языка;
3. Календари и медицинские тексты;
4. Памятники законодательства и документы;
5. Переводы с китайского языка;
6. Сочинения буддийского канона. Среди последних можно выделить переводы с китайского и переводы с тибетского языков, а также предполагаемые оригинальные сочинения тангутских буддистов.

В числе оригинальных тангутских сочинений следует назвать «Большие оды» — ксилография, казенное издание 1185—1186 гг. Памятник труден для перевода и осмысления, в нем много мифологии и, очевидно, есть отклики на современность. Переводы отрывков сделаны Е.И. Кычановым и К.Б. Кепинг (1937—2002), однако стопроцентная правильность их не гарантируется¹³.

«Вновь собранные драгоценные парные изречения» — ксилография без даты. Сборник представляет собой образец тангутского паремического речетворчества, включающий подлинные пословицы и то, что можно отнести к китайским *лянцзюй* 聯句. Книга переиздана в Китае, Чэнь Бин-ин 陳炳應 дал собственный перевод изречений на китайский язык, не столь значительно отличающийся от русского перевода Е.И. Кычанова. Предисловие к русскому изданию Е.И. Кычанова полностью переведено на китайский язык¹⁴.

«Вновь собранные драгоценные парные изречения» — ксилография без даты. Сборник представляет собой образец тангутского паремического речетворчества, включающий подлинные пословицы и то, что можно отнести к китайским *лянцзюй* 聯句. Книга переиздана в Китае, Чэнь Бин-ин 陳炳應 дал собственный перевод изречений на китайский язык, не столь значительно отличающийся от русского перевода Е.И. Кычанова. Предисловие к русскому изданию Е.И. Кычанова полностью переведено на китайский язык¹⁴.

good condition has not attracted the attention of today's manufacturers of paper). The Indian ink (which probably also deserves to be studied by specialists) proved to be exceptionally excellent and durable to every vicissitude of time. In view of this, the books in the Collection still await a specialist's scrutiny as remarkable monuments of book printing.

The number of copies of the editions were amazing, even by today's standards: the emperors stated the number of copies for the sutra editions as ten and even twenty thousand. The publishing of the sutras was reckoned among virtuous deeds carried out through individual donations and public subscription. The sutras were given gratis to officials and common people.

In outer appearance and shape, Tangut books were modelled on their Chinese contemporaries: codices (notebooks), butterfly-books, scrolls, accordion-books and *pothi* books, the latter borrowed from the Indo-Tibetan Buddhist practice.

According to their content, the materials of the Tangut Collection fall into these six groups:

1. Original Tangut writings;
2. Dictionaries and phonetic tables of the Tangut language;
3. Calendars and medical texts;
4. Legislative acts and legal documents;
5. Translations from the Chinese;
6. Buddhist Canon writings. Among the latter, there are translations from the Chinese and the Tibetan languages, as well as supposedly original writings by Tangut Buddhists.

Among the original works in Tangut, worthy of note is *The Big Odes*, a xylographic official publication of 1185—86. The monument scarcely lends itself to translation and is hard to understand, containing as it does plenty of mythology and allusions to its contemporary events. Some passages were translated by E.I. Kychanov and K.B. Kepping (1937—2002), but their correctness cannot be completely warranted.¹³

Another noteworthy publication is *The Newly Collected Precious Companion Sayings*, the xylograph bearing no date. The collection is an example of Tangut paremic speech production, which includes original proverbs and those that could be ascribed to Chinese *lianju* 聯句. The book was published in China, with Chen Bing-ying's 陳炳應 translations of the aphorisms, which do not differ significantly from E.I. Kychanov's versions. E.I. Kychanov's entire introduction to the Russian edition was translated into Chinese.¹⁴

Another noteworthy publication is *The Newly Collected Precious Companion Sayings*, the xylograph bearing no date. The collection is an example of Tangut paremic speech production, which includes original proverbs and those that could be ascribed to Chinese *lianju* 聯句. The book was published in China, with Chen Bing-ying's 陳炳應 translations of the aphorisms, which do not differ significantly from E.I. Kychanov's versions. E.I. Kychanov's entire introduction to the Russian edition was translated into Chinese.¹⁴

¹³ *Sea of Meanings Determined by Saints*. Facsimile of the xylograph. Publication of the text, introduction, translation from the Tangut, comments and supplements by E.I. Kychanov. SPb., 1997, pp. 217—225; Kepping, K.B. *Last Articles and Documents*, SPb., 2003, pp. 97—110, 116—136, 196—201.

¹⁴ *The Newly Collected Precious Companion Sayings*. Facsimile of the xylograph. Publication of the text, translation from the Tangut, introductory article and commentary by E.I. Kychanov. M., 1974.; 陳炳應 Chen Bing-ying. 西夏諺語新集錦成對諺語 Xi Xia yanyu. Xin ji jin cheng dui yanyu (*Proverbs of Xi-Xia. The newly Collected Precious Companion Sayings*). Tayuan, 1993.

¹³ Море значений, установленных святыми. Факсимиле ксилографа. Издание текста, предисловие, перевод с тангутского, комментарии и приложения Е.И. Кычанова. СПб., 1997. С. 217—225; Кеппинг К.Б. Последние статьи и документы. СПб., 2003. С. 97—110, 116—136, 196—201.

¹⁴ Вновь собранные драгоценные парные изречения. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с тангутского, вступительная статья и комментарии Е.И. Кычанова. М., 1974; 陳炳應 Чэнь Бин-ин.

Тангутская филологическая наука, базировавшаяся на достижениях китайской филологии, в частности, лексикографии, оставила для нас бесценные памятники, разного рода словари родного языка. Мы уже упоминали тангутско-китайский словарь «Жемчужина в руке, отвечающая запросам времени». Составитель этого уникального ксилографа 1190 г. — тангут Гулэ Мао-цай 骨勒茂才. Не будь этого словаря, тангутоведение еще долго не могло бы развиваться. Словарь издавался в Китае и на Тайване, он вошел составной частью во все современные словари тангутского языка¹⁵.

Расшифровка тангутских словарей была первостепенной задачей для пополнения лексики и переходу от прочтения отрывков тангутских текстов к большим кускам или полным текстам. Надо сказать, что тангутская словесно-слоговая письменность, созданная в начале 1030-х гг. Ели Жэньюном 野利仁榮 и официально введенная в употребление в тангутском государстве в 1036 г., претерпела незначительные изменения по набору знаков до начала XIII в. Поэтому и сейчас в текстах иногда встречаются совершенно незнакомые знаки.

Основными были (из того, что дошло до нас) словарь «Море письмен», датируемый от 1124—1131 гг. Словарь составлен по образцу китайского словаря «Гуан юнь» 廣韻, лексика размещена по рифмам, словарная статья включает объяснение состава (структуры) знака, его значение и чтение по китайскому методу «рассечения» (фаньце 反切). Словарь «Море письмен, смешанные категории» (文海雜類 Вэнь хай ца лэй) содержал лексику, которая не укладывалась в рифмы, слова в нем расположены по начальным согласным. Памятник переведен и издан в России¹⁶ и в Китае¹⁷.

Словарь омонимов «Омофоны» (同音 Тун инь), составленный по девяти начальным фонемам, с пояснением каждого знака или его синонимом, или знаком из биннома, в который входит поясняемый знак, или антонимом. Словарь издан в Китае Ли Фань-вэнем 李范文¹⁸.

西夏諺語新集錦成對諺語 Си Ся яньюй. Силь цзи цзин чэн дуй яньюй (Пословицы Си Ся. Вновь собранные изысканные парные изречения). Тайюань. 1993.

¹⁵ 黃振華, 聶鴻音, 史金波. Хуан Чжэнь-хуа, Не Хун-инь, Ши Цзинь-бо. 番漢合時掌中珠 Фань-хань хэши чжан чжун чжу (Тангутско-китайская жемчужина в руке, отвечающая запросам времени). Иньчуань. 1989; Luc Kwanten. *The Timely Pearl. A 12th century Tangut Chinese Glossary. Vol. 1. The Chinese glosses // A Indiana University Uralic and Altaic Series. Vol. 142, Bloomington, Indiana, 1982.*

¹⁶ Море письмен. Факсимиле тангутских ксилографов. Перевод с тангутского, вступительная статья и примечания К.Б. Кепинг, В.С. Колоколова, Е.И. Кычанова и А.П. Терентьева-Катанского. Ч. 1—2. М., 1969.

¹⁷ 史金波, 白濱, 黃振華 Ши Цзинь-бо, Бай Бинь, Хуан Чжэнь-хуа. 文海研究 Вэнь-хай яньцзю (Исследование [словаря] «Море письмен»). Пекин, 1983.

¹⁸ 李范文 Ли Фань-вэнь. 同音研究. Тун инь яньцзю. (Исследование словаря «Омофоны»). Иньчуань. 1986.

Tangut philologists, who profited from the achievements of Chinese philology, in particular, Chinese lexicography, left us a legacy of priceless monuments in the form of various dictionaries of their native tongue. We have already mentioned the Tangut-Chinese dictionary entitled *A Timely Pearl in the Hand*. The compiler of this unique xylograph of 1190 was a Tangut named Gule Mao-cai 骨勒茂才. If it had not been for this dictionary, Tangut studies would have taken far longer to develop. It was published in China and Taiwan and entered as a component all today's dictionaries of the Tangut language.¹⁵

The deciphering of the Tangut dictionaries was a priority task for expanding the researcher's vocabulary and transition from reading excerpts of Tangut texts to perusal of long passages or even entire texts. It should be noted that the Tangut word-syllable writing system, created by Yeli Ren-rong 野利仁榮 in the early 1030s and introduced in the Tangut state in 1036, went on undergoing minor changes in the choice of symbols until the beginning of the 13th century. This is the reason why even today the researcher occasionally comes across completely unknown symbols.

The main dictionaries (of what has come down to us) are *The Sea of Writings*, datable to 1124—31, which was modelled on the Chinese *Guang-yun* 廣韻 Dictionary, with vocabulary items arranged by rhyme and definitions including the structure of the symbol, its meaning and reading with the help of the Chinese 'dissection' (*fan-qie* 反切) method — and *The Sea of Writings, Mixed Categories* (文海雜類 *Wen hai za lei*), which contained vocabulary items that could not be arranged by rhymes, so the words in it were grouped by their initial consonants. The monument was translated and published in Russia¹⁶ and in China.¹⁷

Another dictionary entitled *Homophones* (同音 *Tong-yin*), contains homonyms listed in accordance with the nine initial phonemes, with each symbol explained with its synonym, or with a sign from the binomial where the defined symbol belongs, or with an antonym. The dictionary was published in China by Li Fan-wen 李范文.¹⁸

¹⁵ 黃振華, 聶鴻音, 史金波. Huang Zhen-hua, Nie Hong-yin, Shi Jin-bo. 番漢合時掌中珠 *Fan-han heshi zhang zhong zhu (Tangut-Chinese Timely Pearl in the Hand)*. Yinchuan, 1989; Luc Kwanten. *The Timely Pearl. A 12th-Century Tangut-Chinese Glossary. Vol. 1. The Chinese Glosses. In Indiana University Uralic and Altaic Series. Vol. 142. Bloomington, Indiana, 1982.*

¹⁶ *Sea of Writings*. Facsimile of Tangut xylographs. Translation from the Tangut, introductory article and notes by K.B. Kepping, V.S. Kolokolov, E.I. Kychanov and A.P. Terentyev-Katansky. Parts 1—2. М., 1969.

¹⁷ 史金波, 白濱, 黃振華 Shi Jin-bo, Bai Bin, Huang Zhen-hua. 文海研究 *Wen hai yanjiu (Study of 'The Sea of Writings')*. Beijing, 1983.

¹⁸ 李范文 Li Fan-wen. 同音研究. *Tong yin yanjiu (Study of Homophones)*. Yinchuan, 1986.

«Смешанные знаки [трех частей мироздания]» (文海雜類三才字雜 Вэнь хай ца лэй сань цай цзы ца) — словарь лексики по традиционному делению «небо, земля, человек» и в пределах этих трех разделов — по более частным «материям». Предисловие датировано 1223—1227 гг. Словарь издан А.П. Терентьевым-Катанским и М.В. Софроновым¹⁹. «Словарь слов одной категории» (同義 Тун и), отчасти словарь синонимов, датирован 1189 г. Содержит любопытное деление лексики на «чистую» и «нечистую». Перечень имеющихся в словаре слов издан Ли Фань-вэнем²⁰.

«Фонетические таблицы пяти тонов». В первой части таблиц классификация согласных по девяти классам, как в китайской традиции. Во второй части сверху слоги без медиалей и под ними слоги с медиалами, специфическими для тангутского языка. Таблицы датированы 1173 г. Описаны и исследованы Н.А. Невским и М.В. Софроновым²¹.

На основании вышеназванных словарей и фонетических таблиц, китайских и тибетских транскрипций были сделаны первые фонетические реконструкции тангутского языка: Нисида Тацуо 西田龍雄, М.В. Софронова, Ши Цзинь-бо 史金波, Бай Биня 白濱, Хуан Чжэнь-хуа 黃振華, Гун Хуан-чэна 龔煌城²². Все они отличаются друг от друга и сложны в воспроизведении.

Календари имеются в нескольких фрагментах, они, как правило, пока не исследовались. Тангутский календарь совпадал с китайским, сунским, что было нормой: признающее старшинство Китая государство должно было пользоваться китайским календарем. Оригинален печатный фрагмент буддийского календаря-справочника, указывающего, когда и какие грехи отпускаются.

Медицинские тексты и заклинания не часты, но они встречаются, например, «Поучение об избавлении от злокачественных язв» или моления о дожде. Есть чертежи и таблицы. Любопытны фрагменты чертежа струнного инструмента, таблицы должностей и титулов тангутского государства²³.

Mixed Symbols [of the Three Parts of the Universe] (文海雜類三才字雜 Wen hai za lei san cai zi za) is a dictionary with a traditional grouping of the vocabulary into 'heaven, earth and man' and narrower divisions within the three. The introduction is dated 1223–27. The dictionary was published by A.P. Terentyev-Katansky and M.V. Sofronov.¹⁹ *Dictionary of One-Category Words* (同義 Tong yi) is partly a dictionary of synonyms; it is dated 1189. It contains a curious division of vocabulary items into 'clear' and 'unclear'. A list of the words in the dictionary was published by Li Fan-wen.²⁰

Phonetic Tables of Five Tones contain in the first part a nine-class division of consonants, as in the Chinese tradition. The second part from the top contains syllables without a medial; below them are found syllables with medial specific to the Tangut language. The tables are dated 1173. They were described and studied by N.A. Nevsky and M.V. Sofronov.²¹

On the basis of the above dictionaries and phonetic tables, as well as Chinese and Tibetan transcripts, the first phonetic reconstructions of the Tangut language have been made — by Nishida Tatsuo 西田龍雄, M.V. Sofronov, Shi Jin-bo 史金波, Bai Bin 白濱, Huang Zhen-hua 黃振華 and Gong Huang-cheng 龔煌城.²² All of them differ from one another and are difficult to reproduce.

There are several fragments of calendars — as a rule unexplored for the time being. The Tangut calendar coincided with the Chinese, Song one, which was the norm then: any state recognizing suzerainty of China was expected to use the Chinese calendar. Of great interest is the printed fragment of a Buddhist reference calendar indicating when and what sins were forgiven.

Medical texts and charms are not numerous, but they still occur, such as, for example, *Instructions for Riddance from Malignant Ulcers* or incantations for rain. Drawings and tables are also represented: for example, fragments of a drawing for a string instrument or tables of posts and titles in the Tangut state administration.²³

¹⁹ Смешанные знаки [трех частей мироздания]. Вступит. статья, пер. с тангутского А.П. Терентьева-Катанского под редакцией М.В. Софронова. Реконструкция текста, предисловие, исследование и комментарий М.В. Софронова. М., 2002.

²⁰ 李范文 Ли Фань-вэнь. 同義譯釋 Тун и и ши (Перевод и комментарии к «Словарю слов одной категории»). Пекин, 2005.

²¹ Невский Н.А. Тангутские фонетические таблицы (штудии в области тангутской фонетики) // Невский Н.А. Тангутская филология. Кн. 1. М., 1960. С. 132—139; Софронов М.В. Грамматика тангутского языка. Кн. 1. М., 1968. С. 82—84.

²² См. сноски 16, 17, 21.

²³ Кычанов Е.И. Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся // Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. Выпуск 19. М., 1965. С. 180—196.

¹⁹ *Mixed symbols [of the Three Parts of the Universe]*. Introductory article, translation from Tangut by A.P. Terentyev-Katansky, ed. by M.V. Sofronov. Reconstruction of the text, forward, studies and comments by M.V. Sofronov. М., 2002.

²⁰ 李范文 Li Fan-wen. 同義譯釋 Tong-yi yi shi (*Translation and Comments for 'Dictionary of One-Category Words'*). Beijing, 2005.

²¹ Nevsky, N.A. "Tangut Phonetic Tables (Studies in the field of Tangut Phonetics)." In Nevsky, N.A. *Tangut Philology*. Book 1. М., 1960, pp. 132—139; Sofronov, M.V. *Grammar of the Tangut Language*. Book 1. М., 1968, pp. 82—84.

²² See footnotes 16, 17, 21.

²³ Kychanov, E.I. "Tangut Sources on the Administrative Apparatus in the State of Xi-Xia." *Brief Reports of the Institute of Peoples of Asia, the USSR AS*. Issue 19. М., 1965, pp. 180—196.

Безусловно, важнейшую часть фонда составляют памятники законодательства и документы. В последних строках своего доклада «Тангутская письменность и ее фонды» Н.А. Невский указал: «В дальнейшем <...> работа должна пойти <...> по линии изучения политико-экономических сторон Тангутского государства, для чего в первую очередь должны быть привлечены для исследования своды тангутских законов»²⁴.

В тангутском фонде ИВР имеются:

1. «Яшмовое зеркало командования войсками годов царствования Чжэнь-гуаня (1101—1113), (真觀玉鏡統 Чжэнь-гуань юй цзин тун). Текст и перевод опубликованы на немецком²⁵, русском²⁶ и китайском языках²⁷.

2. «Измененный и заново утвержденный кодекс годов царствования Тянь-шэна (1149—1169)» (天盛年改新定禁令 Тянь-шэн нянь гай синь дин цзинь лин), в 20 главах. Сохранился с лакунами, полностью отсутствует текст главы 15. Составлен сводный текст и сделан перевод на русский язык Е.И. Кычановым²⁸. Переведен на китайский язык²⁹. В 2003 г. на основании китайского перевода японский правовед Симада Масао 島田正郎 написал исследование «Введение в изучение кодекса Си Ся»³⁰.

3. «Новые законы» или «Новые законы года свиньи» (豬年新法 Чжу нянь синь фа) представляют собой разновременные дополнения к основному кодексу Си конца XII — первой четверти XIII в. В настоящее время Е.И. Кычановым готовится перевод и публикация памятника.

Коллекция тангутских документов ждет своей реставрации и изучения, освоения исследователями тангутской ско-

The most important part of the Collection undoubtedly consists of laws and legal documents. In the final lines of his report *Tangut Writing and Its Collections*, N.A. Nevsky pointed out this: “In the future ... work should centre round ... studying the political and economic aspects of the Tangut state, for which purpose the codes of the Tangut laws should be addressed in the first place.”²⁴

The Tangut Collection of the IOM also includes these:

1. *Jasper Mirror for Commanding Troops from the Reign of Zhen-guan (1101—13)*, (真觀玉鏡統 Zhen-guan yu jing tong). The text and translation were published in German,²⁵ Russian²⁶ and Chinese.²⁷

2. *Amended and Re-approved Code of the Tian-sheng Reign (1149—69)* (天盛年改新定禁令 Tian-sheng nian gai xin ding jin ling), in 20 chapters. Preserved with lacunae, the text of chapter 15 missing altogether. A summary of the text was prepared and translated into Russian by E.I. Kychanov.²⁸ Translated into Chinese.²⁹ In 2003, Shimada Masao 島田正郎, a Japanese lawyer, wrote, on the basis of the Chinese translation, a research paper called *Introduction to Studies of the Xi-Xia Code*.³⁰

3. *New Laws, or New Laws of the Pig Year* (豬年新法 Zhu nian xin fa), are additions made at different dates to the main code of Xia in the late 12th and the first quarter of the 13th century. E.I. Kychanov is currently preparing a translation and publication of the monument.

The collection of the Tangut documents still awaits its restoration and study, especially by researchers who master the

²⁴ Невский Н.А. Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах. Книга 1. М.; Л. 1960. С. 94.

²⁵ Kychanov E.I. und Franke H. *Tangutische und Chinesische Quellen zur Militärgeetzgebung des 11 bis 13 Jahrhunderts*. Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historisch Klasse Abhandlungen. M.F.H. 104. München, 1990.

²⁶ Кычанов Е.И. Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуаня (1101—1103) // Памятники письменности Востока I (2). М., 2005. С. 5—34.

²⁷ 陳炳應 Чэнь Бин-ин. 真觀玉鏡統將研究 Чжэнь-гуань юй цзинь цзян яньцзю (Исследование «Яшмового зеркала командования войсками»). Иньчуань, 1985.

²⁸ Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149—1169). Издание текста, перевод с тангутского, исследования и примечания Е.И. Кычанова. В 4-х книгах. М., 1988—1989.

²⁹ 史金波, 聶鴻音, 白濱 Ши Цзинь-бо, Не Хун-инь, Бай Бинь. 西夏天盛律令譯文 Си Ся. Тянь-шэн люйлин и вэнь («Кодекс девиза царствования Небесное процветание». Перевод) // 中國珍稀法律典籍集成甲編第五冊 Чжунго шаньси фалюй дянь цзи цзи чэн. Цзя бянь, ди у цэ (Собрание лучших памятников китайского законодательства. Изд. 1. Кн. 5). Пекин. 1994.

³⁰ 島田正郎 Симада Масао. 西夏法典初探 Seika hoten syo tan huo teng shō tang (Предварительный анализ тангутского кодекса). Киото, 2006.

²⁴ Nevsky, N.A. *Tangut Philology*. Research and dictionary. Books 1-2. M., L., 1960. Book 1, p. 94.

²⁵ Kychanov, E.I. und Franke, H. *Tangutische und Chinesische Quellen zur Militärgeetzgebung des 11 bis 13 Jahrhunderts*. Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historisch Klasse Abhandlungen. M.F.H. 104. München, 1990.

²⁶ Kychanov, E.I. *The Jasper Mirror for Troop Commanding from the Reign of Zhen-guan (1101—1103)*. M., 2005, pp. 5—34.

²⁷ 陳炳應 Cheng Bing-ying. 真觀玉鏡統將研究 Zhen-guan yu jin jiang yanjiu (*Study of 'The Jasper Mirror for Commanding (Troops) from the Reign of Zhen-guan'*). Yinchuan, 1985.

²⁸ *Amended and Re-approved Code of the Tian-sheng Reign (1149—1169)*. Publication of the text, translation from the Tangut, study and comments by E.I. Kychanov. Books 1—4. M., 1988—89.

²⁹ 史金波, 聶鴻音, 白濱 Shi Jin-bo, Ne Hong-yin, Bai Bin. 西夏天盛律令譯文 “Xi-xia Tian-sheng lüling yi wen” (*Translation of the Code of the Tian-sheng Reign*) // 中國珍稀法律典籍集成甲編第五冊 Zhongguo shanxi falü dian ji ji cheng. Jia bian, di wu ce (*Collection of the Best Monuments of Chinese Law*. 1st ed. Vol. 5). Beijing, 1994.

³⁰ 島田正郎 Shimada Masao. 西夏法典初探 Seika hoten syo tan huo teng shō tang (*Preliminary Study of Tangut Code*). Kyoto, 2006.

рописи. Отдельные документы переведены и опубликованы Е.И. Кычановым и Ши Цзинь-бо³¹.

Переводы с китайского сразу же привлекли пристальное внимание исследователей тангутского фонда как хорошее средство сравнения текстов и пополнения запаса тангутской лексики. Китайская классика представлена переводами «Сяо цзин», «Лунь юя» и «Мэн-цзы».

1. Перевод «Сяо цзин» с комментариями Люй Хуэй-цина. Предисловие датировано 1095 г. Публикации: «Китайская классика в тангутском переводе» (В.С. Колоколов и Е.И. Кычанов) и Э.Д. Гринстеда в монографии «Анализ тангутской письменности»³².

2. «Лунь юя», фрагменты глав 5, 11, 15, 19. С редкими комментариями. Публикация: «Китайская классика в тангутском переводе»³³. Позже в статье профессора У Ци-юя появилось сообщение, что текст «Лунь юя» с похожими комментариями якобы был найден в пров. Фуцзянь³⁴.

3. «Мэн-цзы», перевод в двух рукописях, главы 4—6, 8. К главе 8 есть комментарии неустановленного комментатора. Публикация «Китайская классика в тангутском переводе»³⁵.

4. Без названия. Книга переведенных на тангутский язык цитат из китайских классических книг. Не публиковалась³⁶.

В тангутском фонде представлены следующие военные трактаты, переведенные с китайского языка:

1. «Военный трактат Сунь-цзы с тремя комментариями» Цао Цао 曹操, Лю Цюаня 李荃 и Ду Му 杜牧. Сохранились части 2 и 3. Текст переведен и опубликован К.Б. Кепинг с приложением очерка грамматики тангутского языка³⁷.

2. «Шесть секретов» (六韜 Лю тао), книги 1 и 2, без комментариев, не опубликованы.

deciphering of Tangut cursive. Only a few documents have been translated by E.I. Kychanov and Shi Jin-bo.³¹

The translations from the Chinese immediately attracted the closest attention of the Tangut Collection researchers as an effective means of comparing the structures and expanding their Tangut vocabulary. The Chinese classics are represented by the translations of *Xiao jing*, *Lun yu* and *Meng-zi*.

1. Translation of *Xiao-jing* with comments by Lü Hui-qing. The introduction is dated 1095. Publications: *Chinese Classics Translated into Tangut* (V.S. Kolokolov and E.I. Kychanov) and E.D. Grinstead in his monograph *Analysis of Tangut Script*.³²

2. *Lun-yu* — fragments of chapters 5, 11, 15, and 19, with occasional comments. Published in: *Chinese Classics Translated into Tangut*.³³ As Prof. Wu Qi-yu 吳其昱 later reports in his article, a text of *Lun-yu* with similar comments had allegedly been found in Fujian Province.³⁴

3. *Meng-zi*, translation, in two manuscripts, chapters 4—6 and 8. Chapter 8 contains comments by an unidentified writer. Published in: *Chinese Classics Translated into Tangut*.³⁵

4. No title. Book of quotations from famous classics translated into Tangut. Unpublished.³⁶

The Tangut Collection includes the following military treatises translated from the Chinese:

1. *Military Treatise of 'Sun-zi' with Three Commentaries* — by Cao Cao 曹操, Li Quan 李荃 and Du Mu 杜牧. Parts 2 and 3 survive. The text was prepared and published by K.B. Kepping, supplemented by her essay on Tangut grammar.³⁷

2. *Six Secrets* (六韜 Liu tao), books 1 and 2, without comments, unpublished.

³¹ Кычанов Е.И. Тангутский документ 1170 г. о продаже земли // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования — 1971. М., 1974. С. 193—203; 史金波 Ши Цзинь-бо. 西夏時期的黑水城社會 Си Ся шици дэ Хэйшуйчэн шэсюэй (Общественный строй в Хара-Хото в период Си Ся) // 黑水城人文與環境研究 Хэйшуйчэн жэньвэнь юй хуаньцзин яньцзю (Исследование культуры и окружающей среды Хара-Хото). Пекин, 2007. С. 406—445.

³² Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юя, Мэн-цзы, Сяо цзин). Факсимиле текстов. Предисловие, словарь и указатели В.С. Колоколова и Е.И. Кычанова. М., 1966. С. 135—211; Grinstead E. *Analysis of the Tangut Script* // *Scandinavian Institute of Asian Studies. Monograph Series No 10*. Lund, 1972, pp. 300—376. См. сноску 32.

³⁴ Устная информация проф. У Ци-юя.

³⁵ Китайская классика в тангутском переводе. *Указ. соч.* С. 3—49.

³⁶ Тангутские рукописи и ксилографы. *Указ. соч.* С. 35.

³⁷ Сунь-цзы в тангутском переводе. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод, введение, комментарии, грамматический очерк, словарь и приложение К.Б. Кепинг. М., 1979; 林英津 Линь Ин-цзинь 夏譯 “孫子兵法” 研究 Ся и «Сунь-цзы бин фа» янь цзю (Тангутский перевод трактата «Сунь-цзы о военном искусстве»). Тайбэй, 1994.

³¹ Kychanov, E.I. “Tangut Document of 1170 on Land Sale.” In *Written Monuments of the Orient. Historical and Philological Studies 1971*. M., 1974, pp.193—203; 史金波 Shi Jin-bo. 西夏時期的黑水城社會 Xi-Xia shiqi de Heishuicheng shehui (*Society of Khara-Khoto in the Xi-Xia Period*) // 黑水城人文與環境研究 Heishuicheng renwen yu huanjing yanjiu (*Studies on Human Culture and Environment of Khara-Khoto*). Beijing, 2007, pp. 406—446.

³² *Chinese Classics Translated into Tangut (Lun yu, Meng-zi, Xiao-jing)*. Texts facsimile. Introduction, glossary and indices by V.S. Kolokolov and E.I. Kychanov. M., 1966, pp. 135—211; Grinstead, E. “Analysis of the Tangut Script.” In *Scandinavian Institute of Asian Studies. Monograph Series No 10*. Lund, 1972, pp. 300—376.

³³ See note 32.

³⁴ Oral information from Prof. Wu Qi-yu.

³⁵ *Chinese Classics Translated into Tangut*..., pp. 3—49.

³⁶ *Tangut Manuscripts and Xylographs*..., p. 35.

³⁷ *Sun-zi Translated into Tangut*. Facsimile of the xylograph. Publication of the text, translation, introduction, comments, grammar outline, glossary and supplements by K.B. Kepping. M., 1979; 林英津 Lin Ying-jin. 夏譯 “孫子兵法” 研究 Xia yi “Sun-zi bing fa” yanjiu (Tangut Translation of Sun-zi Military Treatise). Taipei, 1994.

3. «Три тактики Хуан Ши-гуна» (黄石公三略 Хуан Ши-гун сань люе). Книга 1, с комментариями. Текст не публиковался.

Прочие переводы с китайского:

1. «Лес категорий» (類林 Лэй линь), книги 3—10. Публикация и частичный перевод текста К.Б. Кепинг³⁸.

2. «Вновь собранные записи о сыновней любви и почтительности» (新集慈孝記 Синь цзи цы сяо цзи). Перевод из сочинения Сыма Гуана «Правила для семьи» (Цзя Фань). Перевод на русский язык и исследование К.Б. Кепинг³⁹.

3. «Двенадцать царств» (十二國 Ши эр го). Книги 1 и 2. Собрание различных исторических эпизодов из истории двенадцати удельных княжеств эпохи Чунь-цю. Публикация текста и перевод на русский язык К.Ю. Солонина⁴⁰.

4. «Чжэнь-гуань чжэн яо» (真觀正要 Zhen-guan zheng yao), автор У Цзин 吳競, династия Тан. Книги 4—5. Текст не опубликован, есть специально об этом тексте статья Е.И. Кычанова.

5. «О достойном поведении» (德行集 Дэ син цзи). Собрание переводов. Составитель Цао Дао-ань. Текст опубликован с переводом на китайский язык Не Хун-инь⁴¹.

О некоторых текстах трудно сказать определенно, перевод ли это с китайского, или некая компиляция из разных китайских сочинений. К числу таковых можно отнести текст «Моря значений, установленных святыми» (книги 1, 2, 5. Публикация и русский перевод Е.И. Кычанова. Публикация и китайский перевод Ло Моу-куня⁴²).

Таким образом, тангутский фонд сохранил образцы влияния китайской конфуцианской идеологии на некитайскую периферию не только в виде переводов конфуцианских канонов, но и живых конкретных, примеров из китайской жизни прохождения службы и поведения на службе, примеров из жизни семьи. Безусловно, это был круг изучения и чтения придворной элиты и чиновников, которые служили в Эджине (Хара-Хото). Предположительно к концу XII в. на тангутский язык мог быть переведен весь буддийский канон. В Японии, Китае и некоторых других зарубежных странах есть образцы изданий буддийских текстов на тангутском

3. *Three Tactics of Huang Shi-gong* (黄石公三略 Huang Shi-gong san lue). Book 1, with comments. Text unpublished.

Other translations from the Chinese:

1. *Forest of Categories* (類林 Lei lin), books 3–10. The publication and translation of excerpts from the text by K.B. Kepping.³⁸

2. *Newly Collected Records of Filial Love and Respect* (新集慈孝記 Xin ji ci xiao ji)— translation of passages from Sima Guang's *Rules for the Family* book (Jia Fan). Translated into Russian and researched into by K.B. Kepping.³⁹

3. *Twelve Kingdoms* (十二國 Shi er guo). Books 1 and 2. Collection of various episodes from the history of twelve Principalities of the Chun-qiū epoch. The publication of the text and its translation into Russian by K.Yu. Solonin.⁴⁰

4. *Essentials of the Policy during the Zhen-guan Period* (真觀正要 Zhen-guan zheng yao) by Wu Jing 吳競, Tang dynasty. Books 4 and 5. Text unpublished. There is an article by E.I. Kychanov dealing specifically with the text.

5. *On Worthy Behaviour* (德行集 De xing ji). Collected translations. Compiled by Cao Dao-an. Published in Chinese and translated by Nie Hong-yin.⁴¹

Some of the texts are hard to identify as translations from the Chinese, as they would rather seem to be a kind of compilation of Chinese writings. This may be exemplified by the *Sea of Meanings Determined by Saints*, books 1, 2 and 5, published and translated into Russian by E.I. Kychanov; published and translated into Chinese by Luo Mou-kun.⁴²

Thus, the Tangut Collection has preserved samples of the influence of the Chinese Confucian ideology on the non-Chinese peripheral lands not only in the form of translated Confucian Canons, but also in the form of live, tangible instances of Chinese life, and appropriate behaviour at the state service, as well as examples from family life. Undoubtedly, that was the range of learning and reading favoured by the court elite and by officials in Ejina (Khara-Khoto). Presumably by the end of the 12th century the entire Buddhist Canon had been translated into the Tangut language. In Japan, China and some other

³⁸ «Лес категорий». Утраченная китайская лэйшу в тангутском переводе. Факсимиле ксилографа. Издание текста, вступительная статья, перевод, комментарии и указатели К.Б. Кепинг. М., 1983. С. 38—74, 147—572.

³⁹ Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим. Последняя цзюань. Факсимиле рукописи. Издание текста, введение, перевод и комментарий К.Б. Кепинг. М., 1990. С. 20—35, 154—186.

⁴⁰ Солонин К.Ю. Двенадцать царств. СПб., 1995.

⁴¹ 聶鴻音 Не Хун-инь. 西夏文德行集研究 Си Ся вэнь «Дэ син цзи» яньцзю (Исследование сборника «О достойном поведении» на тангутском языке). Ланьчжоу, 2002.

⁴² Море значений, установленных святыми. Указ. соч. С. 228—329; 羅矛昆 Ло Моу-кунь. 聖立義海研究 Шэн ли и хай яньцзю (Исследование «Моря значений, установленных святыми»). Иньчуань, 2002. С. 46—94.

³⁸ *Forest of Categories. A Lost Chinese Lei-shu in Tangut Translation.* Facsimile of the xylograph. Publication of the text, introduction, translation, comments and indices by K.B. Kepping. M., 1983, pp. 38—74, 147—572.

³⁹ *Newly Collected Records about Love for the Juniors and Respect for the Seniors.* (Last juan). Facsimile of the manuscript. Publication of the text, preface, translation and comments by K.B. Kepping. M., 1990, pp. 20—35, 154—186.

⁴⁰ Solonin, K.Yu. *Twelve Kingdoms.* SPb., 1995.

⁴¹ 聶鴻音 Nie Hong-yin. 西夏文德行集研究 Xi-Xia wen 'De xing ji' yanjiu (*Study of 'On Worthy Behaviour' Collection in Tangut Language*). Lanzhou, 2002.

⁴² *Sea of Meanings Determined by Saints...*, pp. 228—329; 羅矛昆 Luo Mou-kun. 聖立義海研究 Sheng li yi hai yanjiu (*Study of the 'Sea of Meanings Determined by Saints'*). Yinchuan, 2002, pp. 46—94.

языке, относящиеся к периоду монгольской династии Юань, второй половины XIII в., в правление Хубилая, но у нас таких текстов нет. Можно утверждать, что все буддийские тексты тангутского фонда Института восточных рукописей — это тексты времени существования государства Ся. В упомянутый выше «Каталог тангутских буддийских памятников» включено около 370 наименований буддийских текстов. Анализируя буддийские тексты на тангутском языке, Ши Цзинь-бо, автор «Краткой истории буддизма в Си Ся», выделяет сутры циклов «бао цзин» 寶經, «бо жо» 般若, «хуа-янь» 華嚴, «небань» 涅槃, относящиеся к Махаяне, сутры Хинаяна «А хань» 阿含, тексты винайя и «явных» «сянь цзяо» 顯教 и «тайных» «ми цзяо» 密教 учений⁴³.

К.Ю. Солонин выделил и исследовал тексты круга Хуань-Чань 華嚴禪. Он полагает, что пусть в очень ограниченном числе, но в фонде есть сочинения, написанные в тангутском государстве тангутскими буддистами⁴⁴.

Основное место в буддийской части фонда занимают большие по объемам сутры, типа «Махапраджняпарамита», «Махапаринирвана», «Буддхаавтамсакамахавайпуля». «Махаратнакута», «Ваджрачхедикапраджняпарамита», «Суварнапрабхасоттамараджа» и др. Они часто есть в нескольких списках, и если буддийские тексты составляют около 75—80% тангутского фонда, то эти сутры по объему также приближаются к 75% от всех буддийских текстов. Есть сведения, что какой-то список «Махапраджняпарамита» был в конце 1950-х гг. передан Китаю, но документов о такой передаче пока не обнаружено, хотя об этом пишут китайские авторы (Бай Бинь) и, как будто, некоторые тексты были изданы в последние годы Национальной библиотекой Китая и центрами изучения Си Ся в Ланьчжоу и Иньчуани.

Восстановлены и изучены колофоны большинства буддийских текстов (см. об этом «Каталог буддийских памятников»)⁴⁵. Установлено, что часть памятников не привозная, а происходит из Эдзины (Хара-Хото) и региона ее административного влияния.

Некоторые буддийские тексты сопровождаются гравюрами. Есть даже уникальный пример использования иллюстраций, встречающийся только один раз: серия рисунков, размещенная на одном листе и развивающая определенный сюжет. Герой этого иллюстрированного рассказа лишил жизни большое количество скота для свадьбы дочери, умер, предстал перед судом Янло-вана 楊羅王, но был прощен и возвращен на землю при условии, что он будет размножать и раздавать верующим текст «Суварнапрабхаса». По пред-

countries there are examples of the Tangut editions of Buddhist texts dating from the Yuan Mongol dynasty, particularly, from the reign of Hubilai (second half of the 13th century), but we possess no texts of this time. We can assert that all the Buddhist texts of the Tangut Collection in the IOM date from the time when the Xia state actually existed. The *Catalogue of the Tangut Buddhist Monuments* mentioned above lists a total of about 370 titles of Buddhist texts. In his analysis of the Buddhist texts in the Tangut language, Shi Jin-bo, the author of *A Concise History of Buddhism in Xi-Xia*, distinguishes sutras of the *baojing* 寶經, *boruo* 般若, *huayan* 華嚴, and *neban* 涅槃 class, that belong to Mahāyāna, as well as Hīnayāna (阿含 *A-han*) sutras and *vinaya* texts, and overt *xiàn jiao* 顯教 and covert *mi jiao* 密教 teachings.⁴³

K.Yu. Solonin distinguished and studied texts of the Huayan—Chan 華嚴禪 circle. He believes the Collection does include some works, albeit very limited in number, written in the Tangut state by Tangut Buddhists.⁴⁴

The bulk of the Buddhist part of the Collection comprises sizable sutras of the type exemplified by *Mahāprajñāparmitā*, *Mahāparinirvāṇa*, *Buddhāvataṃsaka-mahāvaypulya*, *Mahāratnakūṭa*, *Vajracchedikāprajñāparmitā*, *Suvarṇa-prabhāsottamarāja* and others. Often there are several copies written in different hands. While the Buddhist texts account for about 75 or 80% of the Tangut Collection, these sutras also make up about 75% of all the Buddhist texts. There is information that a copy of *Mahāprajñāparmitā* was given to China in the late 1950s, but no documents regarding this hand-over have been discovered so far, although some Chinese scholars (Bai Bin) have mentioned it. It appears also that some of the Tangut texts have been published by the National Library of China and the Centres of Xi-Xia Studies in Lanzhou and Yinchuan.

The colophons of the majority of the Buddhist texts have been restored and studied (see *The Catalogue of the Buddhist Monuments* on this score).⁴⁵ It has been determined that part of the monuments were not imported but come from Ejina (Khara-Khoto) and the area of its administrative influence.

Some of the Buddhist texts are accompanied by engravings. There is even a unique example of the use of illustrations, encountered just once: a series of drawings on one sheet developing a story. The hero of the illustrated story slaughtered a lot of cattle for the marriage feast of his daughter and after death faced the judgment of Yangluo-wang 楊羅王, but was forgiven and returned to earth on the condition that he would multiply and hand out to the believers copies of the *Suvarṇa-*

⁴³ 史金波 Ши Цзинь-бо. 西夏佛教史略 Си Ся фойцзяо шилюэ. Иньчуань, 1988

⁴⁴ Солонин К.Ю. Обретение учения. Традиция Хуань-Чань в буддизме тангутского государства Си Ся. СПб., 2007.

⁴⁵ См. сноску 12.

⁴³ 史金波 Shi Jin-bo. 西夏佛教史略 Xi-Xia fojiao shilüe. Yinchuan, 1988.

⁴⁴ Solonin, K.Yu. *Finding the Teaching. The Huayan-Chan Tradition in the Buddhism of Tangut Xi-Xia State*. SPb., 2007

⁴⁵ See footnote 12.

варительным данным, гравюры были китайской школы, индийской школы Наланда и др. Их исследование еще впереди.

Таким образом, если исключить документы и другие немногочисленные рукописи, написанные скорописью, общий состав фонда известен. Фонд нуждается в реставрации, в дальнейшем усовершенствовании условий его хранения. Помимо отождествленных текстов, имеется значительное число не отождествленных фрагментов, в большинстве своем это страницы объемных и иных сутр, оторвавшиеся или выпавшие из общего текста еще во время переноса их в субурган, при раскопках субургана, перевозке книг в Санкт-Петербург и перемещениях фонда уже в Санкт-Петербурге. Большую часть этих фрагментов сейчас можно отождествить с помощью современных технологий. Так, совсем недавно китайцы отождествили фрагменты буддийских текстов Национальной библиотеки Франции.

Что касается памятников скорописи, то и в данном случае ситуация небезнадежна. Сокращения стандартных знаков производились по определенным правилам, нужно их по возможности полно выявить и с помощью компьютера скорописные знаки превращать в знаки стандартного написания.

Сулит ли фонд исследователю новые открытия?
Безусловно!

prabhāsa-sūtra. According to some preliminary findings, the engravings were of Chinese school, of Nālandā Indian school, etc. Their thorough study is still ahead.

Thus, the general content of the Collection is known, with the exception of the documents and a few manuscripts in cursive script. The Collection needs restoration and further improvement of its conditions of storage. In addition to the identified texts, there are a considerable number of unidentified fragments — most of them are the pages of voluminous and shorter sutras that got detached or dropped off the master text at the time they were originally placed into the *suburgan*, during the excavation of the *suburgan*, on the way of the books to St. Petersburg or their movements when already there. Most of these fragments can now be identified by means of advanced information technologies. Thus, the Chinese scholars have recently identified some fragments of Buddhist texts in the National Library of France.

As for the monuments in cursive, their further investigation will undoubtedly bring valuable results. The reduction of the original standard symbols followed certain rules, therefore the underlying principles should be found out as far as possible to enable the computer to convert cursive signs into symbols of the standard script.

Does the Collection promise the researcher any new discoveries? It certainly does.

Тангутские рукописи в Институте востоковедения. 1934

The Tangut manuscripts in the Institute of Oriental Studies. 1934